

Тургенев Иван Сергеевич

Затишье

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Затишье: Рассказ / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 128 с.

ISBN 978-5-519-77972-2

ISBN 978-5-519-77972-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЗАТИШЬЕ.

I.

Въ довольно большой, недавно выбѣленной комнатѣ господскаго флигеля, въ деревнѣ Сасовѣ, —го уѣзда, Т.... губерніи, сидѣлъ за старымъ, покоробленнымъ столикомъ, на деревянномъ узкомъ стулѣ, молодой человѣкъ въ пальто и разсматривалъ счеты. Двѣ стеариновыя свѣчки, въ дорожныхъ серебряныхъ шандалахъ, горѣли передъ нимъ; въ одномъ углу на лавкѣ стоялъ открытый погребецъ, въ другомъ—слуга устанавливалъ желѣзную кровать. За низкой перегородкой ворчалъ и шипѣлъ самоваръ; собака ворочалась на только-что принесенномъ сѣнѣ. Въ дверяхъ стоялъ мужикъ въ новомъ армякѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, съ большой бородой и умнымъ лицомъ, по всѣмъ признакамъ—староста; онъ внимательно глядѣлъ на сидѣвшаго молодого человѣка. У одной стѣны стояло очень ветхое, крошечное фортепьяно, возлѣ столъ же древ-

няго комода съ дырами вмѣсто замковъ; между окнами виднѣлось темное зеркальцо; на перегородкѣ висѣлъ старый, почти весь облупившійся портретъ напудренной женщины, въ робронѣ и съ черной ленточкой на тонкой шеѣ. Судя по замѣтной кривизнѣ потолка и покатоности щелистаго пола, флигелекъ, въ которой мы ввели читателя, существовалъ давнымъ-давно; въ немъ никто постоянно не жилъ, онъ служилъ для господскаго приѣзда. Молодой человѣкъ, сидѣвшій за столомъ, былъ именно владѣлецъ деревни Сасовой. Онъ только наканунѣ прибылъ изъ главнаго своего имѣнія, отстоящаго верстъ за сто оттуда, и на другой же день собирался уѣхать, окончивши осмотръ хозяйства, выслушавши требованія крестьянъ и повѣривъ всѣ бумаги.

— Ну, однако, довольно,—промолвилъ онъ, приподнявъ голову:—усталъ. Ты теперь можешь идти,—прибавилъ онъ, обращаясь къ старостѣ:—а завтра приходи пораньше, да съ утра повѣсти мужиковъ, чтобы на сходку явились, слышишь?

— Слушаю.

— Да земскому вели мнѣ вѣдомость за послѣдній мѣсяцъ представить. Однако, ты хорошо сдѣлалъ,—продолжалъ баринъ, оглянувшись,—что стѣны выбѣлилъ. Все какъ-будто чище.

Староста молча тоже оглянулъ стѣны.

— Ну, теперь ступай.

Староста поклонился и вышелъ.

Баринъ потянулся.

— Эй! — крикнулъ онъ. — Дайте мнѣ чаю.... Пора спать.

Слуга отправился за перегородку и скоро вернулся съ стаканомъ чаю, связкой городскихъ котелокъ и сливочникомъ на желѣзномъ подносѣ. Баринъ принялся пить чай, но не успѣлъ онъ отхлебнуть двухъ глотковъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался стукъ вошедшихъ людей и чей-то пискливый голосъ спросилъ:

— Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ дома? Можно ихъ видѣть?

Владиміръ Сергѣичъ (такъ именно звали молодого человѣка въ пальто) съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего человѣка и торопливымъ шопотомъ проговорилъ:

— Поди, узнай, кто это?..

Человѣкъ вышелъ и прихлопнулъ за собой плохо за-
творявшуюся дверь.

— Доложи Владиміру Сергѣичу, — раздался тотъ же пискливый голосъ: — что сосѣдъ ихъ Ипатовъ желаетъ ихъ видѣть, буде не обезпокоить; да со мной еще пріѣхалъ другой сосѣдъ, Бодряковъ, Иванъ Ильичъ, тоже желаютъ почтеніе свое засвидѣтельствовать.

Невольное движеніе досады вырвалось у Владиміра Сергѣича. Однако, когда слуга его вошелъ въ комнату, онъ сказалъ ему:

— Проси.

И онъ всталъ въ ожиданіи гостей. ...

Дверь отворилась и появились гости. Одинъ изъ нихъ, плотный сѣдой старичекъ съ круглой головкой и свѣтлы-

ми глазками, шелъ впереди; другой, высокій, худощавый мужчина лѣтъ тридцати-пяти, съ длиннымъ смуглымъ лицомъ и безпорядочными волосами, выступалъ, переваливаясь, сзади. На старичкѣ былъ опрятный сѣрый сюртукъ, съ большими перламутровыми пуговицами; розовый галстучекъ, до половины скрытый отложнымъ воротничкомъ бѣлой рубашки, свободно обхватывалъ его шею; на ногахъ у него красовались штиблеты, пріятно пестрѣли клѣтки его шотландскихъ панталонъ, и вообще онъ весь производилъ впечатлѣніе пріятное. Его товарищъ, напротивъ, возбуждалъ въ зрителѣ чувство менѣе выгодное: на немъ былъ черный старый фракъ, застегнутый наглухо; штаны его, изъ толстаго зимняго трико, подходили подъ цвѣтъ его фрака; ни около шеи, ни у кистей рукъ не виднѣлось бѣлья. Старичёкъ первый приблизился къ Владиміру Сергѣичу и, любезно поклонившись, заговорилъ тѣмъ же тоненькимъ голоскомъ:

— Честъ имѣю рекомендоваться, — ближайшій вашъ сосѣдъ и даже родственникъ, Ипатовъ, Михайло Николаичъ. Давно желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться. Надѣюсь, что не обезпокоилъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ и самъ желалъ, и что безпокойства никакого нѣтъ и не угодно ли сѣсть.... чаю выкушать.

— А этотъ дворянинъ, — продолжалъ старичёкъ, выслушавъ съ привѣтной улыбкой недомолвленные рѣчи Владиміра Сергѣича и протянувъ руку въ направленіи господина во фракъ: — тоже вашъ сосѣдъ.... и мой хорошій зна-

комшй, Иванъ Ильичъ, сильно желалъ съ вами познакомиться.

Господинъ во фракѣ, по лицу котораго никто бы не предположилъ, чтобы онъ чего-нибудь могъ сильно пожелать въ своей жизни—до того разсѣяннo и въ то же время сонливо было выраженіе этого лица,—господинъ во фракѣ поклонился неловко и вяло. Владиміръ Сергѣичъ поклонился ему въ отвѣтъ и вторично попросилъ гостей присѣсть.

Гости сѣли.

— Очень радъ,—началъ старичёкъ, пріятно разставивъ руки, между тѣмъ какъ его товарищъ принялся, слегка раскрывъ ротъ, оглядывать потолокъ:—очень радъ, что имѣю, наконецъ, честь видѣть васъ лично. Хотя вы постояннымъ жительствомъ вашимъ и обрѣтаетесь въ довольно отдаленномъ отъ здѣшнихъ мѣстъ уѣздѣ, однако мы считаемъ васъ тоже своимъ, кореннымъ, такъ-сказать, владѣльцемъ.

— Мнѣ это очень лестно, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Лестно ли, нѣтъ ли, а оно такъ. Вы, Владиміръ Сергѣичъ, извините, мы здѣсь, въ —омъ уѣздѣ, народъ прямой, по простотѣ живемъ: говоримъ, что думаемъ, безъ обиняковъ. У насъ даже, скажу вамъ, на именины другъ къ другу ѣздить не иначе, какъ въ сюртукахъ. Право! Такъ ужъ у насъ заведено. Въ сосѣднихъ уѣздахъ насъ за это сюртучниками называютъ и даже упрекаютъ яко-бы

въ дурномъ тонѣ, но мы на это и вниманія не обращаемъ! Помилуйте, въ деревнѣ жить—да еще чиниться?

— Конечно, что можетъ быть лучше.... въ деревнѣ.... этой натуральности въ обращеніи,—замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— А между тѣмъ,—возразилъ старичёкъ:—и у насъ въ уѣздѣ живутъ люди, можно сказать, умнѣйшіе, европейски образованные люди, хоть и фраковъ не носятъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, историкъ нашъ, Евсюковъ, Степанъ Степанычъ: онъ россійской исторіей съ самыхъ древнѣйшихъ временъ занимается и въ Петербургѣ извѣстенъ, ученѣйшій человѣкъ! Въ городѣ нашемъ старинное шведское ядро, знаете.... тамъ оно среди площади поставлено.... вѣдь это онъ его открылъ. Какъ-же! Центелеръ, Антонъ Карлычъ.... тотъ естественную исторію изучилъ: впрочемъ, говорятъ, эта наука всѣмъ нѣмцамъ далась. Когда у насъ, лѣтъ десять тому назадъ, забѣжавшую гіену убили, такъ вѣдь это Антонъ Карлычъ открылъ, что она дѣйствительно была гіена, по причинѣ особеннаго устройства ея хвоста. Вотъ еще Кабурдинъ есть у насъ помѣщикъ: тотъ больше легкія статейки пишетъ; очень бойкое у него перо, въ Галатеѣ есть его статейки. Бодряковъ.... не Иванъ Ильичъ, нѣтъ, Иванъ Ильичъ этимъ неглижируетъ, а другой Бодряковъ, Сергѣй.... какъ бишь его по батюшкѣ-то, Иванъ Ильичъ.... какъ бишь?

— Сергѣичъ,—подхватилъ Иванъ Ильичъ.

— Да, Сергѣй Сергѣичъ,—тотъ стихами занимается. Ну, конечно, не Пушкинъ, а иногда такъ отбръфетъ, что

хоть бы въ столицѣ. Вы его эпиграмму на Агея Өомича знаете?

— На какого Агея Өомича?

— Ахъ, извините; я все забываю, что вы все-таки не здѣшній житель. На нашего исправника. Очень смѣшная вышла эпиграмма. Иванъ Ильичъ, ты, кажется, ее помнишь?

— Агей Өомичъ, — равнодушно заговорилъ Бодряковъ —

.... не даромъ славно
Дворянскимъ выборомъ почтенъ....

— Надо вамъ сказать, — перебилъ Ипатовъ: — что его выбрали почти-что одними бѣлыми шарами, ибо человекъ онъ наидостойнѣйшій.

— Агей Өомичъ, — повторилъ Бодряковъ, —

.... не даромъ славно
Дворянскимъ выборомъ почтенъ:
Онъ пьетъ и кушаетъ исправно....
Такъ какъ же не исправникъ онъ?

Старичёкъ засмѣялся.

— Хе, хе, хе! а вѣдь недурно? Съ тѣхъ поръ, повѣрите ли вы, всякій изъ насъ скажетъ, напримѣръ, Агею Өомичу: здравствуйте — и ужъ непременно прибавить: „такъ какъ же не исправникъ онъ?“ И Агей Өомичъ, вы думаете, сердится? Нисколько. Нѣтъ — у насъ этого и въ заведеніи нѣтъ. Вотъ, спросите хоть Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ только глазами повелѣлъ.

— Сердиться за шутку, какъ это можно! Вотъ, хоть бы Иванъ Ильичъ: его у насъ прозываютъ Складная-Душа, потому что онъ весьма скоро на все соглашается. Что-жь? развѣ Иванъ Ильичъ за это обижается? Никогда!

Иванъ Ильичъ посмотрѣлъ, медленно мигая, сперва на старичка, потомъ на Владиміра Сергѣича.

Названіе „Складная-Душа“, дѣйствительно, очень шло къ Ивану Ильичу. Въ немъ и слѣда не было того, что называется волей или характеромъ. Всякій, кто только хотѣлъ, могъ увести его съ собой куда угодно; стоило только сказать ему: Иванъ Ильичъ, поѣдьте, — онъ бралъ шапку и ѣхалъ; а подвернись тутъ другой и скажи ему: Иванъ Ильичъ, останьтесь, — онъ клалъ шапку и оставался. Права онъ былъ миролюбиваго и тихаго, весь свой вѣкъ прожилъ холостякомъ, въ карты не игралъ, но любилъ сидѣть возлѣ играющихъ и глядѣть имъ поочереді въ лица. Безъ общества онъ жить не могъ и уединенія не переносилъ; онъ тогда впадалъ въ уныніе; впрочемъ, это съ нимъ случалось очень рѣдко. За нимъ водилась еще одна особенность: вставъ рано поутру съ постели, онъ въ полголоса напѣвалъ старинный романсъ:

Въ деревнѣ нѣкогда баронъ
Жилъ съ деревенской простотою....

Вслѣдствіе этой особенности Ивана Ильича, его прозывали также щуромъ, извѣстно, что щуръ въ клѣткѣ поетъ только разъ въ теченіе дня, рано поутру. Таковъ былъ Иванъ Ильичъ Бодряковъ.

Разговоръ между Ипатовымъ и Владиміромъ Сергѣичемъ продолжался довольно долго, но уже не въ прежнемъ, такъ-сказать, умозрительномъ направленіи. Старичёкъ разспрашивалъ Владиміра Сергѣича объ его имѣніи, о состояніи его лѣсныхъ и другихъ дачъ, объ усовершенствованіяхъ, которыя онъ уже ввелъ или только намѣревался ввести въ своемъ хозяйствѣ; сообщилъ ему нѣсколько своихъ собственныхъ наблюденій, посовѣтовалъ, между прочимъ, для истребленія луговыхъ кочекъ, обсыпать ихъ кругомъ овсомъ, что будто бы побуждаетъ свиней срывать ихъ своими носами и т. п. Наконецъ, однако, замѣтивъ, что у Владиміра Сергѣича слипались глаза и въ самыхъ словахъ проявлялась нѣкоторая медлительность и безсвязность, старичёкъ всталъ и, любезно поклонившись, объявилъ, что онъ не намѣренъ болѣе стѣснять своимъ присутствіемъ, но что надѣется имѣть удовольствіе видѣть у себя дорогого гостя не позже завтрашняго дня, къ обѣду.

— А въ мою деревню,—прибавилъ онъ,—не говоря уже малое дитя, первая встрѣчная, смѣю сказать, курица или баба вамъ дорогу укажетъ, стоить только спросить Ипатовку. Лошади сами добѣгутъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ съ небольшою, впрочемъ свойственной ему запинкой, что постарается.... что если ничего не воспрепятствуетъ....

— Нѣтъ, ужъ мы васъ будемъ ждать навѣрное,—перебилъ его ласково старичёкъ, крѣпко пожалъ ему руку и проворно вышелъ, воскликнувъ у двери въ полуоборотъ:—безъ церемоніи!

Складная-Душа Бодряковъ поклонился молча и исчезъ вслѣдъ за своимъ товарищемъ, предварительно споткнувшись на порогѣ.

Проводивъ неожиданныхъ гостей, Владиміръ Сергѣичъ тотчасъ раздѣлся, легъ въ постель и заснулъ.

Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ принадлежалъ къ числу людей, которые, осторожно попытавши свои силы на двухъ, трехъ различныхъ поприщахъ, сами говорятъ о себѣ, что рѣшились наконецъ взглянуть на жизнь съ практической точки зрѣнія, и посвящаютъ досугъ умноженію своихъ доходовъ. Онъ былъ не глупъ, довольно скупъ и очень разсудителенъ, любилъ чтеніе, общество, музыку, но все въ мѣру.... и держалъ себя очень прилично. Ему было всего двадцать-семь лѣтъ. Подобныхъ ему молодыхъ людей развелось въ послѣднее время много. Онъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, черты лица имѣлъ пріятныя, но мелкія: выраженіе ихъ почти никогда не мѣнялось, глаза его глядѣли всегда однимъ и тѣмъ же сухимъ и свѣтлымъ взоромъ; лишь изрѣдка смягчался онъ легкимъ оттѣнкомъ не то грусти, не то скуки; учтивая улыбка почти не покидала его губъ. Волосы у него были прекрасныя, бѣлокурыя, шелковистыя и въ длинныхъ завиткахъ. За Владиміромъ Сергѣичемъ считалось около шести-сотъ душъ хорошаго имѣнія, и онъ думалъ о бракѣ, бракѣ по наклонности, но въ то же время выгодномъ. Особенно хотѣлось ему сыскать жену со связями. Онъ находилъ, что у него недостаточно было связей. Словомъ, онъ заслуживалъ вошедшее недавно въ моду названіе джентльмена.